

Зуев Михаил Иванович,
историк (Псковский казачий округ МССО
«Всевеликое войско донское»)

**ФЁДОР УМОЙСЯ ГРЯЗЬЮ И ФОМКА МИЛА ГОЛОВА,
ИХ ТОВАРИЩИ, СЯБРЫ, ЗЕМЛЯКИ И ГОСПОДА**
(заметки историка о русских сложных именах и прозвищах)

*Памяти словолюба Льва Васильевича Успенского,
невольно ставшего моим заочным учителем
в счастливом 1961 году¹.*

Умойся Грязью дрался с пятерыми: вырвал у одного кол, наскაკивал, дико вскрикивал, – такой злобы в человеке Андриюшка не видывал сроду...

– Был я на Дону, – прохрипел Умойся Грязью, – там – не прежняя воля. Казаки-станичники гультаев выдают. Меня два раза в железо ковали, возили в Воронеж на царские работы...

Федька Умойся Грязью, бросая волосы на воспалённый мокрый лоб, бил и бил дубовой кувалдой в сваи...²

По просторам романа А. Н. Толстого «Пётр Первый» давным-давно странствует сутулый и угрюмый крестьянин, ставший скитальцем, **Федька Умойся Грязью**, имя и образ которого были дороги писателю: они олицетворяли Россию и русских людей, замордованных бесконечными барскими перестройками и нерусской дурью, – а они всё держатся и бьются за жизнь, и остаются в живых! Выдумывать столь причудливое прозвание

сочинителю не пришлось: оно принадлежало псковичу, родившемуся ещё в XVI в., приблизительно за сто лет до Петра I, – и, очарованный его диким смыслом и выразительностью, *красный граф* воспользовался летописной находкой.

В действительности, к исходу 1606 г. не очень молодой и почитаемый соседями посадский человек **Фёдор Умойся Грязью** (которого псковский летописец уважительно называет не уменьшительным, а полным именем Фёдор) вместе с Самсоном Тихвинцем возглавил посольство в Москву, отправленное с деньгами, собранными со всего Пскова для нового царя Василия Шуйского³. По навету псковских богатеев, столичные власти собирались было казнить привезших добро посланцев, но за земляков поручились псковские же стрельцы, нёсшие службу в Москве.

Но почему достойный горожанин имел такое затейливое и, прямо сказать, не слишком благожелательное прозвище? Да и прозвище ли это?

Дело в том, что наши предки могли называть *прозвищем* любое имя, будь то действительно прозвище (в нынешнем понимании слова) или собственное имя, отчество и даже фамилия:

– *И на том грабежу... Шумко Степанов прозвищем Железные Бабы* (имеются в виду бобы-тестикулы?)... *Кирилко Романов по прозвищу Таска* (Тоска?)... *Трошко Прохоров сын прозвищем Полуказачье* (или всё-таки Полуказачье?)... *Симанко Аникиев* (из показаний подьячего Гр. Похабова о мятеже в Великом Устюге 9.VIII.1648 г.)⁴.

– *Михайло, прозвище Никулай*, посадский человек в Велиже (из актов 1609 г.)⁵. – *Ивашко, прозвище Агафонко* (XVII в.). – *Петеля да Гриша, прозвище Вотола, Дмитриевы, а прозвище Худяковы дети* (1588 г.).

Ср.: *Род Силуяна Нежданова сына Неждана, а имя его Бог весть* (из синодика галичского Макарьева Унженского Троицкого монастыря, 1-я пол. XVII в.)⁶. Здесь христианское имя поминаемого вкладчика названо: Силуан. Может быть, составитель синодика имел в виду крёстное имя его отца, который тоже носил прозвищное имя *Неждан*?

В. И. Даль донёс до нас народное понимание слова *прозвище* почти двухсотлетней давности: ***Прозванья* родом ведутся, а**

прозвища народ даёт. Богатаго по отчеству (чествуют), убогого по прозвищу (по прозванию)⁷. Вслед за классиком лексикографии большинство современных нам исследователей полагают, что прозвище есть вид антропонима (т. е. любого собственного имени человека или группы людей), *дополнительное имя, данное человеку окружающими людьми в соответствии с его характерной чертой, сопутствующим его жизни обстоятельствам или по какой-либо аналогии*⁸.

Сказано весьма кратко, обстоятельно, научно. Но сопоставим это определение с прозвищем персонажа гоголевских «Мёртвых душ» почтеннейшего дядюшки Степана Плюшкина, тужившего лишь *по причине собственного добродушия*, которого, как известно, мужички звали просто: *заплатанной*... (ну, существительное, дополняющее этот задушевный антропоним, означающее некий мужской орган, помнит каждый)⁹. Действительно, прилагательное *заплатанная* как нельзя лучше подходит к воплощённой Скупости, каковой выступает перед нами помещик Плюшкин, но какая *характерная черта*, какие *обстоятельства* и *анalogии* побудили народных златоустов (равно и Н. В. Гоголя) вспомнить о некоем *заплатанном*, так и не названном члене коротенького предложения = изречения = антропонима? Может быть, это были донельзя ветхие, просвечивающие насквозь штаны барина, так сказать, его кюлот (фр.: culotte)?

Кто же давал людям такие *дополнительные имена* и что, собственно говоря, они дополняют? Ялтинский учитель Н. М. Тупиков (1869-1900) составил наиболее полный словарь древнерусских имён и отчеств и пришёл к выводу, что тысячи русских языческих имён, воспринимаемых нами как прозвища, вплоть до XVII в. включительно использовались как полноценные имена наряду с христианскими: *признание русскаго имени равноправнымъ съ христiанскимъ или же имѣющимъ значенiе только прозвища зависѣло отъ воли отдѣльныхъ лицъ, носившихъ это имя или писавшихъ документъ, куда заносился владѣлецъ имени.*

Напротив, В. К. Чичагов (1906-1955), подвергший критике взгляды Н. М. Тупикова, опираясь на именник предшественника, на генеалогические материалы и систему новых ономастических (именоведческих) определений, постарался показать, что в

русском языке XV-XVII вв. в наименованиях, состоявших из греческих (т. е. пришедших на Русь через Византию христианских имён) и рус(с)ких (языческих) имён, первые всегда были именами личными, а вторые всегда были прозвищами¹⁰.

Действительно, в делопроизводственных и иных памятниках отечественной письменности XV-XVII вв. христианские имена стоят, как правило, перед другими, и это отражает **лествицу** (иерархию) **ценностей** в сознании наших предков: **первый – значит высший, главный, старший, наиболее предпочтительный**¹¹. Но нельзя забывать об усилиях Церкви, которая уже несколько столетий добивалась (и добилась!) такого предпочтения. Не стоит упускать из виду, что **все без исключения имена, в т. ч. и христианские, были некогда языческими**. – *И азъ же тебѣ глаголю, яко ты еси Петръ (Камень), и на семь камени созижду Церковь Мою, и врата адова не одолѣют ей (От Матфея. 16.18)*. – *Димитрий происходит от имени же, но божественного: хтоническая богиня Деметра, Мать Земля (Γη Μητηρ), или, по другому объяснению, Мать Ячменя (Δη Μητηρ), своим именем отражается в Дмитрии*¹². – *Читая басню Крылова про Демьяна и Фоку, разве могли вы думать, что Фока – это «тюлень», а Дамиан – «укрощённый»?*¹³

Надобно быть диалектиком, твёрдо помнящим о **вечном развитии всего сущего**, в т. ч. и языка, создателем и носителем которого является народ-творец, а не учёный-потребитель. Недаром выдающийся диалектик А. Ф. Лосев не без горечи шутил: *если моль разъела и съела всю шубу, значит ли это, что она эту шубу поняла и изучила?*¹⁴ Не так ли и мы, расчлняя имя зубками формальной логики и лингвистики, отрешаемся и от его сущности, и от его создателей и носителей. А ведь **общей целью философов, филологов, историков и искусствоведов является человековедение: познание человека мыслящего, говорящего, творящего во времени (в прошлом, настоящем и будущем), а также человечества и отдельных народов**.

Между тем, русский народ, вопреки В. К. Чичагову, и в XVI, и даже в XVII столетиях не размышлял об абстрактных *дополнительных именах* и *прозвищных именах*, от которых-де произошли *прозвищные отчества*, – зато он весьма ясно представлял происхождение имён и отчеств: *первых родов и времен чело-*

вещи... даяху детям своим имена якоже отец или мать отроцати изволят: или от взора и естества, или от вещи, или от притчи. Такожде и словене прежде их крещения даяху имена детям своим сице: Богдан, Божен, Первой, Второй, Любим и ина такова. Добра же суть и та [Азбуковник, XVI (?) в.]¹⁵.

Молодой царь Иван Васильевич включил в свою гвардию – лутчих слуг 1000 – в 1550 г.: Мамыша Кудашева сына Ододурова, Кургана Тырыданова сына, Петра и Канбара Чюдиновых детей Акинфowych, Мансура Матвеева сына Товарыщева Аксакова, Лихача Бусырева сына Александра и Русина Лихачева сына Палицына, Неклюда Исупова сына Аникеева и Зайца Леонтьева сына Баймакова, торопчан Бражника, Посника и Золотого Ивановых детей Игнатъева, великолучан Невежу Чирикова и Горяина Клокачова, псковичей Будая Уgrimова сына Болтина-Хрушова, Дружину, Брусника, Агиша и Заню Злобина сына Калитеевских, новгородцев Ляпуна да Третьяка Яновых детей Мусор(г)ского – и других удальцов, совсем не задумываясь об их крестных именах, хотя государь смолоду был знатоком родословцев и имён¹⁶. А имя Иуда, данное при крещении видному псковскому помещику Воину Павлову сыну Всеслаvinу (Сеслаvinу), погибшему в 1650 г., мы можем узнать только из церковных поминальных книг-синодиков: уж больно не нравилось никому его *святое имечко*, полученное, конечно, не в честь Иуды Искарюта, а в память об апостоле Иуде, брате Господнем¹⁷.

Всё так. Однако определённое понимание сути древнерусских имён и многолетнее знакомство с именниками-ономастиконами, сопровождаемое собиранием разнообразных собственных имён-онимов, мало помогает осмыслению антропонима, т. е. имени собственного *Умойся Грязью*, как и других сложных онимов, которые почему-то не привлекают особого внимания исследователей.

Разумеется, такие собственные имена известны учёным; есть и определение: **имя-фраза** (*фразовое имя, имя-речение*) – Любое имя собственное, представляющее собой короткий текст, обычно с глаголом. В качестве примеров упоминаются антропонимы *Федька Умойся Грязью* и *Перекаати-Поле*, названия скалы *Пронеси Господи* и фильма *Жила-была девочка*¹⁸.

Многие авторы выделяют и имена-компози́ты: *Composita* [в именах] – Однословное сложное имя собственное, имеющее в своём составе не менее двух корневых морфем. Примеры: топонимы *Новгород* и *Белоозеро*, антропонимы *Славомир* и *Лихобаба*, зоонимы (имена животных) *Белошейка* и *Черноголовка*¹⁹.

Отмечают и родственные сложные имена: *Имя-словосочетание* – любое имя собственное, имеющее форму словосочетания (безглагольного) беспредложного или предложного. – Например: *Иван Грозный*, *Чёрное море*, *Семь Братьев*, *Ростов на Дону*, *Большое Магелланово Облако* (галактика)²⁰.

Как уже сказано, эти и подобные им определения-дефиниции используются многими именоведами-ономастами (ономатологами). Возможно, они хороши для лингвистов, но несовершенство и разлад формулировок вряд ли помогут нам в поисках смысла (семантики) и происхождения (этимологии) сложных имён.

Так, имя одного псковского пушкаря XVII в., которого звали Фомка Мила Голова, можно прочесть и как Фомка Милаголова. Первый антропоним наши лингвисты назовут именем-фразой, второй – *composita*; кое-кто заспорит: мол, второй – это точно композита, а вот в первом случае мы имеем дело с именем-словосочетанием, ведь глагола там нет... Неприятно только, если дилетант, невежа, невежда и невеглас, подобный автору этих строк, вдруг осмеёт учёные упражнения специалистов: речь-то идёт об одном человеке и его имени, записанном в разных грамматических формах!

Лингвисты не виноваты, они кушают (по возможности, с маслом) то, что им дают. Просто по непонятному (чиновничьему?) произволу наука об именах **ономастика** числится разделом языкознания. В действительности же она является достоянием большой филологии, философии, истории и даже географии. В своё время В. Д. Бондалетов непредубеждённо учил студентов: *Ономастика имеет ярко выраженный междисциплинарный характер, что обусловлено её объектом: имя собственное может быть предметом изучения разных наук – языкознания, истории, географии, астрономии и ряда других*²¹.

Но отказавшись от чисто лингвистических толкований некоторых онимов, нельзя **начать постижение сложных имён** (а это и является первой задачей данной работы) без своего, желательного, несложного набора орудий и приспособлений, пригодных для историка-ономаста. В такой инструментарий, способствующий проникновению **в тайну смыслов и рождения** хотя бы двух – трёх сложных имён, должны войти простые рабочие определения:

– **Сложное имя (компози́та)** – любое имя собственное, представляющее собой краткое речение или сложное слово. Примеры: Волкохищная Собака Фёдор Андреев сын Нащокин, помещик, нач. XVII в. – Тихая Сосна, правый приток реки Дона. – Волосожары, Стожары, Птичьё Гнездо, русские названия созвездия Плеяды. – Черноногие (Blackfoot), английское наименование индейцев племени Сиксика. – Мужик Второй, кличка знаменитого рысака, XIX в. – Высоко-Светлый, имя легендарного меча графа Оливье, сподвижника Карла Великого, VII в.

– **Прозви́щное (дохристианское, некалендарное, неканоническое, языческое) имя** – личное имя человека, данное ему родителями или очень близкими людьми сразу (вскоре) после его рождения; в XI–XVII вв. оно употреблялось и в официальной письменности вместе с крёстным именем или вместо него. Примеры: Упирь (Упырь) Лихый (Лихой), новгородский поп, книгописец, XI в. – Андрей Сом и Окунь Ивановы дети Линевы, новгородские помещики, XV в.; их родичи Алексей Ершов сын и Карась Тарусманов сын Линевы; их потомки Линевы, Окуневы, Сомовы, XVI в. и позже. – Чулок, Башмак и Алеша Ивановы дети Абашевы, Тверь, 1540 г. – Лук Горохов сын Селиванов (где селиван – растение быковник), 1564 г. – Воронеж и Соколец Бедринские, псковские помещики, 2-я пол. XVI в. (предки фельдмаршала М. И. Кутузова).

– **Апотропайя (имя-оберег)** – личное имя человека, данное ему родителями для обмана нечистой силы, которую не должно привлечь родственное ей, никуда не годное существо; разновидность прозвищного имени²². Примеры: Упырь Лихой, священник, XI в. – Лесук Некрасов сын Хрипунов, дворянин из Торопца, 1550 г. – Ненаш Дурков, арзамасский помещик, 1586 г. –

Синец (бес, нечистик) Кондаков, холоп в Пустой Ржеве, 1555 г. – Чужой Булгаков сын Айгустов, Переяславль, 1-я пол. XVI в.

– **Прозвище личное (кличка)** – дополнительное имя, данное человеку окружающими людьми в любую пору его жизни в соответствии с его телесной и нравственной природой (внешностью, физиологическими особенностями, умом и речью, склонностями и потребностями), обстоятельствами его жизни (включая происхождение, занятия, события, случаи и проч.); прозвище нередко даётся по сходству с кем-либо или с чем-либо и зависит от сообщества, в котором пребывает человек. Примеры: Ольга Псковка, равноапостольная княгиня, X в. – Бородатый Дурак Иван Иванович Засекин, князь, XV в. – Петруша Бздячий, новгородский своеземец, 1498 г. – Иван Тарабарка, кременецкий крестьянин, 1563 г. – Ивашко Кошкодав, крестьянин Псково-Печерского монастыря, 1639 г. – Иван Скоробогатко, казачий атаман, 1659 г. – Песья Старость, новгородский крестьянин, 1495 г.

Опираясь на такое понимание русских имён, пора, наконец, приступить к прочтению избранных *composita* – с тем чтобы хоть чуточку **лучше, точнее понять внутренний мир наших предков** (а это должно быть руководящей целью всякого исследователя-гуманитария).

И сразу же убеждаешься в том, что найти непосредственную причину возникновения того или иного стародавнего прозвища или прозвищного имени очень непросто. Вот редкое свидетельство самого носителя странного прозвища Ерёмина Курица – Степана Оболяева, держателя Талового умёта (постоялого двора, где останавливался знаменитый бунтовщик Емельян Пугачев). Он во время большого сыска о *Пугачёвщине* показал, что звался так, *потому что он сам всегда оное слово употребляет и в шутку и вместо бранного слова*; на другом допросе Ерёмина Курица дополнил, что так его зовут и за смирный характер²³.

Что ж, мне памятен наш добрый деревенский сосед, просто-сердечный и застенчивый *дядька* Сергей Прокофьев (родственником нам он не был, и отчества его я, кажется, и не знал), которого земляки без насмешки именовали: Сергей Поняйти. Разгадка прозвища проста: попав на войну, робкий мальчишка из глухой деревеньки, знавший прежде разве десяток сябров (сосе-

дей), устрасился не столько крови, сколько непонимания новых многочисленных товарищей-солдат, и постепенно привык вставлять в свои редкие обращения к ним слово *понимаете*, которое позже превратилось в вопрошающую скороговорку (*пo-няи-ти?*), сопровождающую каждые 2-3 слова этого добряка и трудяги²⁴.

Эти были надёжно подтверждают мысль о **влиянии особенностей речи человека на возникновение некоторых прозвищ**, уже включённую в мою дефиницию *прозвище личное*. Антропоним *Ерёмина Курица* понятен в целом, без рассмотрения семантики каждого слова в отдельности.

А вот антропоним *Фёдор Умойся Грязью* не поддаётся точному истолкованию. Что толку анализировать приставку *у-* (старославянскую *оу-*, родственную индоевропейской **au-*), глагол *мыть*, заодно с голландским словом *тооі* (красивый)²⁵... существительное *грязь*... Это сложное имя может оказаться прозвищем, данным отроку или уже степенному горожанину по какому-либо забавному или опасному происшествию: падение в лужу; пороховой взрыв, навеки обезобразивший лицо несгоревшими частицами зелья-пороха (тем вероятнее, если Фёдор был зелейщиком, работавшим со взрывчатыми веществами); несчастный случай на пожаре или при обороне города от польского короля...

Однако стоит присмотреться к народным образам, связанным с понятиями *мыться* и *грязь*, а также попытаться построить ассоциативные ряды, опираясь при этом на своё понимание исторической обстановки во Пскове XVI-XVII вв.

– *Как смерд ни умывается, а всё грязью завалается*²⁶. – *Как смерд ни моется, а всё смердит*. – *Дошёл до грязи, дожил до лыка*. – *Взят из грязи, да посажен в князи*. – *Раздайся, грязь, навоз (говно) ползёт*. – *Небось, в грязь лицом не ударим!* – Несомненно, по мнению знатных и богатых, Фёдор – человек низкого происхождения, волею городской общины временно вознесённый вверх. Но уничижительное с виду имя *Умойся Грязью* донёс до нас псковский летописец, поведавший о злключениях Фёдора и его товарищей с уважением и состраданием.

– *Мыться ещё не мылся, а уже угостился!* – *Напиться (нализаться) чернее матушки грязи*. – *Врухаться, как свинья в*

грязь. – Свинья грязи найдёт. – Свиные глаза не боятся грязи. – И эти ассоциации не сочетаются с обликом Фёдора: если бы он бражничал и валялся в грязи, то земляки, товарищи и сябры никогда не доверили бы ему огромную денежную казну.

– Грязью играть – руки марать. – Как сквозь грязь глядеть (о грязном белье). – Как быть: станем мыть. – Как ни мойся, белее снегу не будешь. – Сердце почернело як чёрная грязь (о горе; смоленск.). – Весьма вероятно, что Фёдор был зелейщиком или кузнецом, литейщиком, углежогом – словом, состоял при таком деле, где ввек не отмыться, а это, конечно, могло повлиять на становление прозвища; может статься, он был и *горюном*, потерявшим всю семью во время великого трёхлетнего голода на рубеже веков²⁷.

– Не видиши ли милостивѣишихъ врачейъ, егда болящихъ мыють (Златоструй, XII в.). – *Не тем моются, чем мараются. – Лечебные грязи...* – Здесь возникает неожиданная, на первый взгляд, неправдоподобная мысль о том, что Фёдор Умойся Грязью (или знакомый ему зелейщик-травник) ведал целебную силу трав, некоторых грязей, ила, дёгтя и пользовался пачкающими мазями да настоями для лечения обожжённых мест. Впрочем, для Пскова того времени, ещё не утратившего своих мастеров, владеющих сложными технологиями и разнообразными тонкими знаниями, умениями, невозможного было мало.

А всё же не надо отказываться от простых решений. Что если перед нами имя-оберег, свидетельствующее о безрассудном страхе родителей Фёдора за жизнь малютки – особенно, если смерть уже унесла их первенца?! Тогда-то и рождаются самые необычные имена, начиная от Неждана и кончая Русалкой, Чужим и Стенстуром: ужели нечисть прельстится себе подобной мерзостью?²⁸

Как бы то ни было, сложный антропоним **Фёдор Умойся Грязью** всеконечно так и не понят. Зато попытка его расшифровки поддерживает убеждение автора в методически правильном выборе пути: **постижение древнего имени требует опоры на достижения разных гуманитарных наук и особенно, по возможности – умелого продвижения по необозримой стране Языка и Истории, среди глыб и россыпей народного творче-**

ства и исторических источников – по основательным отсрочкам установленной действительности.

Особый интерес вызывает возможность проследить судьбы сложного имени родителя в его потомках.

Пскович **Иван Алексеев** (сын) **Тряси Солома** сравнительно благополучно пережил тягостную Ливонскую войну 1558-1583 гг. и 170-суточную осаду Пскова польским королём Стефаном Баторием, а после войны держал сразу две клетки (хранилища под какой-то товар) в Большом торгу Пскова²⁹. Других сведений о нём пока не обнаружено; вздохнув о гибели псковских архивов того времени, довольствуешься и крошками со скатерти-самобранки г-жи Истории. Понятно только, что Иван пытался быть (или слыть) предприимчивым человеком и так или иначе участвовал в обороне города от королевских *многих орд*.

Его потомки звались **Трясисоломины**; они были свидетелями и даже участниками вошедшего в историю Псковского восстания 1650 г., потрясшего всю Россию, и позже показали себя не с лучшей стороны, Но вот удастся ли найти какое-то сходство в их делах?

Однажды *Гришка Трясисоломин* (его называли и *Тряси Солома*) понёс в кабаке околесицу: *Прежде сего были за мной княгини и боярыни, да и королевна за мной была, а ныне я возьму за себя государыню царицу и великую княгиню Марью Ильинишну...* Охальника схватили и после предварительного следствия во Пскове доставили в Москву. – И что же? Хотя во многих странах *оскорбление величества (величия)* каралось мучительной смертью, Гришку наказали сравнительно мягко: били кнутом (не до смерти) и урезали язык³⁰.

Явным неудачником был *Ос(ь)ка* (Иосиф, Онисифор, Осия, Феогност?) *Трясисоломин*. В 1652/53 г. подьячие Разрядного стола Псковской съезжей избы (ПСИ) вели следствие о мертвце, подброшенном на его двор, предположительно, Филькой Колтомаем, монастырским крестьянином из Гдовского уезда. Заодно *трясли* и Оську, и его безвинного брата *Галактионка* (Галактиона) *Трясисоломина*³¹. Дело о подкинутом трупе утрачено, и результаты следствия нам не известны, а отзвук несчастья, преследующего это семейство, становится явственнее.

В том же 1652/53 г. *Фед(ь)ка Трясисоломин*, занятый каким-то мелким промыслом (выделкой шкур? перепродажей скота?), дважды судился со служилыми людьми: стрелецким пятидесятником Ю. Григорьевым, который вместе с дружкой ворвался однажды в дом Федьки, пограбил его и тяжело избил детей, а также с новгородским помещиком И. Вельяшевым, обвинившим Федьку *въ поставленныхъ животахъ на 13 рублевъ съ полтиною* (т. е. в неуплате денег за проданный помещиком скот или, напротив, в низком качестве скота, проданного псковичом барину). Оба дела, хранившиеся в Судном столе ПСИ, опять-таки не дошли до нас, и нет достаточных оснований считать Федьку преступником.

Несомненную склонность к злему умыслу проявил только *Ивашко Трясисоломин (Трясисоломенок*, вероятно, внук старого Ивана Трясисоломы). В 1652/53 г. в Псковской съезжей избе на него было заведено сразу три дела. В младшем из столов ПСИ, в Судном, подьячие которого расследовали не очень опасные для общества правонарушения, включая мелкое хулиганство, вели *дело псковского пушкаря Гришки Митрофанова со псковитиномъ посадскимъ человѣкомъ съ Ивашкомъ Трясисоломинымъ въ пропаломъ животѣ въ 30 рублѣхъ*; если Иван действительно похитил у Григория имущество и деньги на столь солидную для рядового горожанина сумму, то пушкарю не позавидуешь. Но это ещё цветочки.

В страшном для преступников, подозреваемых и свидетелей Рязрядном столе, где следователи-подьячие работали жёстко, по-драконовски, с применением дыбы, кнута и огня, начались очередные дознания по иску печерского крестьянина Данилки Михайлова, обвинившего *Трясисоломенка* и двух его приятелей, приходивших к Данилке *для воровства*; второе – о краже лошадей у крестьян Крыпецкого монастыря тем же Ивашкой Трясисоломиным и *вольнымъ человекомъ* Ивашкой Ивановым, у которых те лошади были найдены. Начались пытки...

Но первое дело сочли завершённым по *мировой челобитной* печерянина Данилки, а второе почему-то затянулось – и оба они не найдены до сих пор.

Всё это очень странно, ведь младшего Ивана Трясисоломина уже было называли *вором*, т. е. не столько расхитителем чужого

добра, сколько смутяном, опасным для жизнедеятельности государства. К тому же, по моим наблюдениям за псковским судопроизводством того времени, кража лошади расценивалась чуть ли не как убийство невинного человека: на то и граница, где невзыскательный друг человека служил и средством производства, и военным средством! Так что примирение тяжущихся сторон в таких случаях далеко не всегда удовлетворяло государство, которое не желало мириться с антигосударственной деятельностью. Может быть, Ивашка просто умер?

Обозревая семейный казус Трясисоломиных, не следует делать поспешных выводов. Бывало, вереница фактов такого рода приводила учёных к мысли об ухудшении положения трудящихся масс и, соответственно, о нарастании социальных противоречий и обострении классовой борьбы (этим нередко грешили советские историки). Другим эти скудные известия напомнят о психофизиологической доминанте как факторе поведения членов данного семейства³². Третьи увидят здесь генетическую предрасположенность к преступной деятельности, четвёртые – криминогенную обстановку в доме (семействе) старого Трясисоломы, ну а пятые, философствующие мистики и мистические философы, гусары-одиночки и капитаны межзвёздных туманностей, заговорят о магии имени: мол, *как вы лодку назовёте, так она и поплывёт...*³³

Действительно, после восстания 1650 г. во Пскове было очень беспокойно, и доминанты, отличающие даже целые народы (русских, немцев, поляков, цыган, евреев...) существуют, и Трясисоломины как-то выделялись среди своих соседей, и имя – не звук пустой. Крупицы истины есть во всех вышереченных мнениях. Вообще, историко-психологическое исследование хотя бы одного семейства на протяжении нескольких поколений обещает нам чудные открытия и находки, да вот психолога, владеющего сложными навыками исторического исследования, или историка-психолога у нас не сыщешь днём с огнём. Только не надо прибегать к услугам пошлых экстрасенсов *и историческим исследованиям* газетчиков, радио- и тележурналистов, бойко изъясняющихся на американско-русской *мове*.

А посему вновь обратимся к сокровищнице народного красноречия и попытаемся разыскать в ней образцы мышления, спо-

собствующие **восстановлению парсуны** (старинного портрета) **человека**, который *трясёт солому*.

– *Растряси траву; переверни сено* (чтобы вместо сена не получилась гниль, что обрело бы домашний скот и людей на голодную зиму, если не на смерть). – *Тряси шубу, богат будешь* (т. е. моль шубу не съест). – *Тряхнуть мошной, кошелём, гамзой, расцедриться*. – *Тряхнуть стариной* (разгуляться помолодому). – *Не казист лицом, да тряхнёт молодцом*. – *Встряхнуть ковёр*. – *Отряхни с себя пыль, стряхни грязь*. – *Втряхни в мешок*. – *Короб трясом набит* (плотно, доверху). – *Тряска яблок*. – *Задать ему тряску* (хорошо, когда за дело). – *Тряси жену, как грушу, а люби её, как душу!*³⁴ – Оказывается, зачастую, *трясти*, т. е. резко колебать, шатать или разбрасывать – есть дело хорошее, полезное и необходимое. Однако частенько этого надо избегать, это плохо:

– *Хорошие яблоки не трясутся, а берутся ималкою, стаканом на шесте*. – *Не тряси стола, писать нельзя*. – *Его лихорадка трясёт, трясцá*. – *Изняла его трясучка*. – *Трясцá, что ненастье: не знаешь, откуда берётся*. – *Трясцá тебе!* – *У пьяницы руки трясутся*. – *Изсох, что трясцá над куревом*. – *Тряская дорога, тряская телега*. – *На кочке так трягнуло, что ось пополам*. – *Трястись, дрожать, трепетать*. – *Лошадь вся трясётся, испугалась*. – *Трястись на морозе*. – *Трясётся, что Каин, что осиновый лист*. – *От бури дом трясётся*. – *Трясти деньги, тратить, сорить, мотать*. – *Он над копейкой трясётся*. – *Не подтряхивай локтем*. – *У него всегдашнее трясение руки*.

А трясущийся человек точно не слишком хорош: *трясучий человек* – хлопотливый, торопкий, суета (сибир.). – *Трясучка*, скряга, скупец (нижегород.). – *Трясыня, трясун, трясуха* – то же. Кое-где *трясун* и *трясуха* – трус и трусиха. – *Трясоголовый*, глупый и беспутный (архангел.). – *Трясопляс*, ветрогон, гуляка.

Ну и солома, стебли, оставшиеся после обмолота хлеба, кажется, вещь незначительная, недорого стоит: – *С соломинки мыльные пузыри пускают*. – *Соломинками в бирюльки играют*. – *Слепня с соломинкой* (в брюшке) *пустили!* – говорят о глупой забаве. – *Воз соломы, кус сахару, одна цена*. – *Соломиной не подпрёшь хоромины*. – *Соломен(н)ый лапоть на три дня*. – *Соломен(н)ая скотина, лошадь, стоявшая на плохом корме, на одной*

соломе. – Соломен(н)ым волом не орать, санным конём не воевать. – Кто солому покупает, тот хлеб продаёт.

Если в характеристике человека есть слова *солома, соломинка, соломенный*, то она почти всегда не хороша. – *Волосы как солома*, светло-жёлтые и прямые, пожалуй, красивы, но они слишком жёсткие. – *Осталась соломой* женщина, брошенная мужем, *соломенная вдовушка*. – *Брюшко, что волыночка, ножки, что соломинки*. – Малосильный человек как *соломинка*, а сильно исхудавший из-за тяжёлой болезни *ссохнул(-ся)* как *соломинка* (псков.). – *Загорается как сухая солома* вспыльчивый человек. – У хвастуна *соломина в оглоблю*; он *лежит на соломе*, а *говорит, что с ковра*. – У дурака *голова соломой набита*. – *С дураком говорить – солому молотить* (бесполезно), а поговорил – *как соломы наелся*. – Человек сердитый, злой, как *соломы наевши*. – *Зарывается* (где-то, во что-то), *что свинья в солому потерянный* окружающими человек. – Человечек, как *сено-солома* бестолков, нерешителен, невежествен, глуповат. Хуже всего иметь дело с никчёмными людьми, которые – *что гнилая солома в олёте*.

Так что вряд ли правы знатные лексикографы В. М. Мокиенко и Х. Вальтер, которые (вслед за Ю. Б. Воронцовой) доверились жительнице вологодской деревни Калинино, которая объяснила прозвище *соломинцы*, данное калининцам соседями, тем, что у нас-де всегда был богатый урожай хлеба³⁵ (как бы намекая на зависть соседей, приезжавших к зажиточным *соломинцам* закупать солому). Соседи-то были русскими, а среди русских остроумцев простодушных профессоров не сыскать! Всего вероятнее, что обидное прозвище *соломинцы* означало *хвастливые голодранцы*. Помните: *Лежит на соломе, а говорит, что с ковра?* А тётенька – *соломинка*, спасая доброе имя родной деревни и земляков, ухватилась за наивное толкование, как *утопающий за соломинку*.

Верно, и без соломы не обойтись. Незабвенные герои романа А. Дюма «Двадцать лет спустя» д'Артаньян, Портос и слуга Мушкетон крепко обогатились за один вечер, продав горы соломы тьме-тьмушей придворных короля, королевы-матери и королевского брата – по золотому луидору за связку: нежные дамы и кавалеры не привыкли спать на полу без постели!³⁶

– Долги и соломой собирают. – Не голодна коровка, коли в стрехе (кровле) соломка. – Бедные русские крестьяне и горожане кормили яровой соломой животину, ржаной – крыли хаты (избы и другие постройки), гречишную солому пускали на пошаш; на соломе спали, из неё изготовляли всякую всячину, включая детские игрушки, чучела, шляпы, рогожи-соломницы для защиты окон зимой (псков., твер.); на ней гадали и держали покойников перед захоронением... Всего не перескажешь³⁷.

А в голодные годы (сорок восемь лет только в XVI веке!) солома в крестьянской жизни выходила на первое место. Исследования историков-аграрников показывают, что и в лучшие времена *острый дефицит сена приводил к тому, что основой кормовой базы скота у крестьянина и у барина была солома*³⁸. В голодные годы солому ели и люди – если только она была! – *Сена нет, так и солома съедома. – Нет овсяной соломы, так и ржаная стреха власть.*

Летом 1603 г. секретарь ганзейского посольства, возвратившегося из Москвы в Любек, г-н И. Брамбах писал во Пскове: *мы не раз видели, как бедные люди по деревням собирали барашки орешника или соскабливали с сосен кору, заменяя себе этим хлеб. Иногда же эти несчастные люди пекли себе хлеб из соломы и молотого сена. Но хлеб указанных трёх видов скорее походил, с позволения сказать, на чёрный кал или грязь, и в нём не было ни вкуса, ни смака, ни силы, так что те, кто его ел... неизбежно умирали*³⁹.

Нетрудно убедиться в том, что бережливое отношение русских хозяев к соломе и другим, как ныне думают, домашним мелочам, существовало издавна. Так, в середине XVI в. (время родителей старого Тряси Соломы) отнюдь не бедный протопоп Сильвестр поучал в своём *Домострое* благочестивых читателей *всегда себѣ смечать и по тому живешь и обиходъ держишь, по приходу и расходъ. Оставшееся от своей пищи хряпье и листье и коренье и обрѣсковь и крохъ, и в скатерти и в столе и в вѣлке (лукошке) въ хлебномъ и по полицам и по чуланомъ, и по залавам крохи и остатки и объеди, и домовитая добрая государыня или ключникъ доброй все то обирает и по судомъ ставит, и темъ животину – лошади страдные и коровы, и гуси и утки, и свины, и куры и собаки кормит. У бедняка и вдов запасов чемъ*

живота кормит(ь), конечно, нет. Им надо делать так: сѣна изрѣти да мукою посыпати овсяною или иная какая мякинка лучится, да кипятком облить или ельчемъ (рассолом) облить да передь собою покормить... Лошадки и кобылы по вся дни таким ж кормомъ християнину в ызбе перед собою (т. е. прежде чем сам поел) покормить.

Соломку тоже надобно беречь: соломка под лошади слати и подгребати, по вся дни перетряхивати; летом же скот следует подкармливать лишними капустными листьями⁴⁰.

Странно и смешно читать это сейчас, когда известны ужасы голода начала XVII в. Учить крестьянина расчётливости не приходилось; каждый был заложником Природы, слишком часто недодававшей благ или полностью губившей урожай; любой бдительно отслеживал капризы климата и сберегал всякую крошечку своего добра⁴¹.

Следовательно, антропоним *Тряси Солома* должен означать больного человека или плохого хозяина, безрассудного хлопотуна, суетливого хвастуна, вспыльчивого дурачка. Интересно, что все потомки моего хозяйственного прадеда Павла Болды и трудолюбивой прабабки Анны (стало быть, и я) насмешливо говорят о таких людях: *сею-вею, лён пожну!* – Глубинная семантическая близость этих выражений очевидна. Вряд ли псковский подданный Грозного царя *Ивашко Олексеев Тряси Солома*, ставший основателем бесщастного, склонного к сомнительному риску рода, назван так родителями. Следовательно, перед нами устойчивое прозвище, донесённое подлинной писцовой платёжной книгой Пскова и его пригородов 1584/85 – 1586/87 гг.

Иногда в череде сложных имён удаётся выделить несомненные прозвища, полученные людьми с физическими или физиологическими особенностями.

В 1-й пол. XVII в. жили-были мужички Псково-Печерского монастыря **Сен(ь)ка** (Авксентий, Арсений, Ксенофонт, Симеон, Симон, Сеннис?) **Толстая Потылица** и **Сенька Пердливой Конь**⁴². Не приходится сомневаться: первый Сенька отличался мясистым затылком и мощной задней частью шеи (загривком, потылицей), а второй непроизвольно и часто испускал звуки, присущие людям с чувствительными органами пищеварения,

сопровождавшиеся зловонием. Правда, происхождение второго язвительного прозвища может оказаться не совсем простым, ведь родители могли дать младенцу имя Конь, священник – окрестить его Симеоном, а соседи – неблагозвучным прозвищем.

Перед подведением предварительных итогов нелишне сопоставить однородные сложные имена псковского пограничья (включая соседние уезды, нередко присоединяемые правительством к Псковской оборонительной системе) и других русских земель.

<u>Псковские имена</u>	<u>Имена других земель</u>
Байборода, пскович, 1406.	Майборода, Малая Русь.
Витая Брада, рыбак, 1581.	Бородатый Дурак Засекин, князь, кон. XV в.
Высокой Глаголь, иконописец, сер. XVI в.	Высокие Шти, муромский посад, 1573/74.
Две Жерди, посадский человек, 1585.	Четыре Здоровья, волжский казак, 1607.
Железная Пята, Порхов, 1584/85.	Железное Копыто, атаман, 1614.
Звездочет, кличка мерина, 1639.	Звездочетовы, Москва и Псков, XVI в.
Кислой Лапоть, трудник Псково-Печерского монастыря, 1639.	Великие Лапти, В. Новгород, 1495.
Мила Голова, пушкарь, XVII в.	Медвежья Голова, крестьянин, 1496.
Пердливой Конь, 1652.	Бат(ь)ков Конь, холоп, 1500.
Полубабьев, нивник, 1585.	Полупопадьины, Зарайск, 1623.
Преснодоев, дружинник, 1674/75.	Кислоквас, р. Лена, 1646.
Редозуб, бобыль, 1639.	Зубоволок, В. Новгород, 1569.

Розшиби Шапка, посадский, 1652.	Кривая Шапка, Арзамас, 1530.
Самочерный, Самочерные, 1585.	Самodelка, Чердынь, 1605.
Семидушной, Невель, 1648.	Семихвост, Курмыш, 1631.
Сорок Алтын, посадский, 1647.	Двадцать Алтын, Свияжск, 1565.
Терпигоревы, помещики, XVI в.	Терпигоревы, Новгород, Москва, XVI в.
Турьи Глаза, посадский, XVI в.	Турий Рог Лобанов, кн., XVI в.
Тяниносов, П. Ржева, 1582/83.	Дубовый Нос Шехонский, кн., XV в.
Черноусовы, подьячие, XVII в.	Черное Лихо, казак, 1692.
Шириносовы, помещики, XVI в.	Широкие Штаны, дон. казак, 1688.

Сразу видно, что обитатели псковского пограничья не уступают москвичам, новгородцам, муромцам и прочим россиянам в красноречии и остроумии, а это удивительно, ведь жизнь псковичей и других жителей *немецкого и литовского рубежей*, казалось бы, совсем не располагала к весёлости и праздности ума. В отличие от других русских областей, Псковская земля около 500 лет (XIII-XVII вв.) испытывала постоянное давление со стороны вражески настроенных соседей – ливонских и польских католических рыцарей, Великого княжества Литовского и Швеции. Это вызвало появление особой породы людей-воинов и, вместе с тем, мастеров на все руки, ведь каждый(!) так или иначе был связан с войной, обороной *Дома Святой Троицы* (так они называли отчий край)⁴³. **Особый душевный склад пограничного человека русского Северо-Запада никак не изучен**, хотя уже сейчас угадываются несколько типов. Скажу только, что он напоминает казачий, а семейка Трясисоломиных представляет лишь одну, далеко не самую распространённую, местную породу.

*Н. К. Рёрих. «Пскович». 1894.
Собрание И. А. Зачиняевой. Москва.*

Историки вправе рассматривать ономастику как вспомогательную историческую дисциплину, которая, помимо всего прочего, помогает осмыслению душевного склада и мировоззрения создателей и носителей имён, являясь, таким образом, пограничной сферой философии и обширной психологической науки.

Даже непритязательная попытка рассмотрения семантики нескольких псковских имён-речений и поиск подоплёки их возникновения подводит исследователя к мысли об **эстетической и этической функциях сложных имён**. В самом деле, бобыль Толстая Потылица и посадский человек Пердливый Конь могли быть, в сущности, неплохими людьми, но один напоминал чело-века-быка (что не всем приятно), а другой попросту вонял (что отталкивает всех людей с обонянием).

Более того, **сложное имя**, утверждая красоту, неприглядность, уродство или даже безобразность (бывает и такое!) носителя, восхваляет или осуждает его, ибо **является малой единицей народной аксиологии**, т. е. представлений об истинных ценностях. – Без толку разбрасывать солому непрактично, глупо и некрасиво, а если она разлетелась нечаянно – так надобно собрать её. Тот, кто пренебрегает житейской мудростью – разгильдяй, неряха, человек никчёмный, как наш Тряси Солома. Всякое дело должно делаться, как следует, добротнo и красиво, на пользу себе и не во вред другим, а не то – получи приметное имечко! – *И как уж потом ни хитри и ни облагораживай свое прозвище... ничто не поможет: каркнет само за себя прозвище во все свое воронье горло и скажет ясно, откуда вылетела птица.*⁴⁴

Насмешливые и уничижительные, ласковые и внешне нейтральные, никакие, наполненные, однако, почти бездонным, неразгаданным внутренним значением, **сложные имена входят в смеховой мир Руси**. Кстати, это прекрасно понимал ещё молодой Н. В. Гоголь; создавая свой мир в *Вечерах на хуторе близ Диканьки*, он легко скользил меж царствами грубоватой действительности, волшебной грёзы и сочными смыслами стародавних слов и имён. – *Тогдашний полковой писарь, – вот нелёгкая его возьми, и прозвища не вспомню... Вискряк не Вискряк, Мотузочка не Мотузочка, Голопуцек не Голопуцек... Знаю только, что как-то чудно начинается мудрёное прозвище, – позвал к себе деда и сказал ему, что, вот, наряжает его сам гетьман гонцом с грамотою к царице*⁴⁵. – Поди теперь узнай, какое-такое значение слова *Мотузочка* и почему – стало основой имени: завязка ворота рубашки, шнурок для привешивания печати к *грамоте* или что иное⁴⁶; о других антропонимах, не зная говоров

українській мові, говорить не приходится – а всё равно интересно и уже смешно.

Мне уже доводилось писать о доброй улыбке мирных трудников и чернецов Псково-Печерской обители, давшей себя знать в кличках монастырских лошадей 1-й пол. XVII в.: старого работяги Бобинки, крепышей Жидкого и Медведка, строптивых Ерша, Звездочёта, Казака и Кошки, голосистых Латыша и Скорогласа, красавцев Лебеда и Сокола, жалких Косолапа и Матуньки, кроткой кобылки Маслехи и костлявой, плодовой Пральницы, потешного Козелка, дураковатого Матаса и рассудительного Старого...⁴⁷

Не меньшую склонность к улыбке и смеху проявляли миряне: старый пскович Лошак и его современник (кажется, близкий родственник) воин Ключ (жеребёнок), поп Руда Лошаков внук (XV в.); Артемка Турьи Глаза (XVI в.), пушкари Савка Чернобровка и Фомка Мила Голова (братья? – XVII в.)... Напрасно соседи псковичей по *литовскому рубежу* насмешники-смоляне (*рожки смоленские*) распевали обидную песенку:

*Скобари плохие люди,
Не(о)бразованный народ...*

Образованные, очень образованные псковские строители-каменщики, колокольные мастера, изящные иконописцы и книжники, хитроумные воины (включая вышереченного Ключа) любили острый ум, красную речь и меткое имя – не в бровь, а в глаз. На то и мастера. – *Выражается сильно российский народ!*

Кстати, пора, наконец, вспомнить о человеке *с милой головой*, имя которого помещено в заголовок этих заметок. Можно не сомневаться, что пушкарь **Фомка Мила Голова**⁴⁸ был мил своим родителям и всем тем, кто его знал. Такое случается, редко – но бывает: ненаглядное пригожее дитя с милой беззубой улыбкой стало милovidным, старательным и любознательным отроком, что *как ясен-то сокол стал на вóзлети*, а позже – настоящим добрым молодцем, красивым, сильным, милостивым к людям, приветливым и уветливым –

*Отворял двери потихошеньку,
Запирал он двери помалехоньку,
Крест кладет по-писаному,
Поклон ведет по-ученому,*

– удалым и грамотным пушкарём (впрочем, насколько мне известно, едва ли не все псковские артиллеристы были широко образованными умельцами)⁴⁹. Словом, слегка изменив поговорку, был он *и по хорошу мил, и по милу хорош*. В данном случае безразлично, кто дал ему *имечко хорошее*, родители или добрые люди. Кто не верит – пусть проверит (думается, домашнее задание на различение родительского прозвищного имени и мирского прозвища полезно начинающим ономастам).

Да, **сотворение имени есть творческий акт...** Впрочем, в подтверждение этого тезиса следовало написать ещё целую книгу, полную тайн и приключений слов, их создателей, но близится рассвет и, надо думать, предстоит новый день, и мы ещё свидимся и наговоримся, ведь **постижение имени – семечка, из коего порой вырастает древо познания, бесконечно**⁵⁰, и это ещё

НЕ КОНЕЦ...

¹ Л. В. Успенский (1900-1978) – писатель и учёный, общественный деятель; крупнейший популяризатор отечественного языковедения, создатель жанра занимательной ономастики. Лев Васильевич называл себя *старым петербуржцем и скобарём* – и был таковым, когда учился в Петербурге – Петрограде – Ленинграде, изучал, воспевал и защищал его от фашистов, когда рос и работал на Псковщине, писал о её людях и говорах. Родина – Русский Язык – Великий город на Неве – Псковская земля – вот путеводные звёзды его жизни.

6.VIII.1961 г. к звёздам взлетел космонавт-2 – Герман Степанович Титов, а мне исполнилось ровно 13 лет. Счастливый, смугловатый, тощий и голенастый мальчишка из села Усмынь выпросил у мамы на день рождения томики Джека Лондона и Льва Успенского (вместо новеньких нарядных штанов). И Лев Васильевич стал моим Учителем.

² Толстой А. Н. Пётр Первый. М., 1996. С. 319-321, 480 и др.

³ Псковские летописи. Вып. 2. М., 1955. С. 267-268.

⁴ Городские восстания в Московском государстве XVII в. : сборник документов. М., 2003. С. 156.

⁵ Здесь и далее приводятся антропонимы, извлечённые мною из собственной ономастической картотеки, а также из книг: Веселовский С. Б.

Ономастикон. М. 1974; Тупиков Н. М. Словарь древнерусских личных собственных имён. М., 2005 (1-е изд. – СПб., 1903). – Исключения будут указаны в отдельных примечаниях.

⁶ Алексеев А. И. Древнейший список синодика Макарьева Унженского Троицкого монастыря // Вестник церковной истории. 2007. № 4 (8). С. 30.

⁷ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 3. М., 2007. С. 394.

⁸ Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. М., 1978. С. 115.

⁹ Гоголь Н. В. Мёртвые души. Поэма. Гл. 5.

¹⁰ Чичагов В. К. Из истории русских имён, отчеств и фамилий (Вопросы русской исторической ономастики XV-XVII вв.) // Тупиков Н. М. Указ. соч. С. 73 (41) и 22 (926).

¹¹ С идеей лестницы, на которой размещается всё живое и неживое, существующее во Вселенной, автор сталкивался при рассмотрении самых разных исторических источников. Так, если отливалась пара колоколов, то один из них был старшим, несущим на себе имя Господа, Его Матери и правящего в России Государя; надпись на младшем завершалась именем самого малого из людей, причастных к созданию этой пары, – самого колокольного мастера. Если описывались монастырские лошади, то первыми выступали выездные (лучшие), следом кошевые (используемые на сравнительно лёгких работах, например, муковозы), а последними – страдные трудяги. Государственные акты скреплялись печатями красного воску (старший цвет), а исходящие из приказов – черновосковыми (менее значимыми). – Ср.: Зуев М. И. Записи на псковских рукописных книгах XVI в. из собрания Е. Е. Егорова как исторический источник // Кирилло-Мефодиевские традиции в Пскове : материалы Третьих чтений 13 мая 2014 года в Псковской областной универсальной научной библиотеке. Псков, 2014. С. 26-27, 34 (примеч. 25); Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича. М., 2000. С. 44-48, 56, 62-63 и др.

¹² Флоренский П. А. Имена. М., 2003. С. 219.

¹³ Успенский Л. В. Ты и твоё имя. М., 2008. С. 29.

¹⁴ Лосев А. Ф. Страсть к диалектике. М., 1990. С. 25.

¹⁵ Цитирую по: Успенский Л. В. Указ. соч. С. 50.

¹⁶ Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. М. ; Л., 1950. С. 64, 67, 86, 94-97, 99, 100-102.

¹⁷ Зуев М. И. Лошадиные «фамилии» и клички в первой половине XVII в. // Материалы восьмых Псковских архивных чтений, 20-21 ноября 2013 года. Псков, 2014. С. 67.

-
- ¹⁸ Подольская Н. В. Указ. соч. С. 62.
- ¹⁹ Там же. С. 66.
- ²⁰ Там же. С. 62.
- ²¹ Бондалетов В. Д. Русская ономастика. М., 1983. С. 3.
- ²² Ср.: Подольская Н. В. Указ. соч. С. 70.
- ²³ Трефилов Е. Н. Пугачев. М., 2015. С. 43.
- ²⁴ Из жизни обитателей очень большого с. Усмынь (образовавшегося при срастании деревень Копылово, Усмынь и Сипино после Великой Отечественной войны); ныне малая (по населению) деревня на стыке Псковской, Смоленской и Витебской областей.
- ²⁵ Ср.: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 4. М., 2004. С. 142; Там же. Т. 3. С. 26.
- ²⁶ Здесь и далее использованы пословицы, поговорки и др. образцы меткого слова, извлечённые из *Толкового словаря* В. И. Даля и своей картотеки, а также из книги: Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских народных сравнений. М., 2008.
- ²⁷ Гибель урожая в 1600-1602 гг. обезлюдила многие уезды России и была одной из причин Великой Смуты начала XVII в.
- ²⁸ Шведский регент Стен Стуре Старший (2-я пол. XV в.) известен как враг России; такое же прозвище или прозвищное имя получил знатный новгородский помещик С. И. Лобанов-Колычев, отец св. митрополита Филиппа (XVI в.).
- ²⁹ Сборник Московского архива Министерства юстиции. Т. 5. М., 1913. С. 43-44, 46 [далее: Сб. МАМЮ].
- ³⁰ Тихомиров М. Н. Классовая борьба в России XVII в. М., 1969. С. 129, 394.
- ³¹ О злоключениях Трясисоломиных см.: Сб. МАМЮ. Т. 6. М., 1914. С. 109-110, 111-112, 118, 122.
- ³² Ср.: Ухтомский А. А. Доминанта. СПб., 2002. С. 113-150; Солоневич И. Л. Народная монархия. М., 2003. С. 232-238, др.
- ³³ Ломброзо Ч. Преступный человек. М. ; СПб., 2005. С. 147-148, др.; Флоренский П. А. Имена. М., 2003. С. 31-32, 104-109.
- ³⁴ См. примеч. 26.
- ³⁵ Вальтер Х., Мокиенко В. М. Большой словарь русских прозвищ. М., 2007. С. 511.
- ³⁶ Дюма А. Двадцать лет спустя. Ч. 2, гл. 9.
- ³⁷ Даль В. И. Указ. соч. Т. 4. М., 2007. С. 125.
- ³⁸ Милов Л. В. По следам ушедших эпох : ст. и заметки. М., 2006. С. 651.
- ³⁹ Проезжая по Московии (Россия XVI-XVII веков глазами дипломатов). М., 1991. С. 202-203.

⁴⁰ Домострой // Памятники литературы Древней Руси. Середина XVI века. М., 1985. С. 104, 128, 130, 134, 148.

⁴¹ Милов Л. В. Указ. соч. С. 672, 674.

⁴² Государственный архив Псковской области. Ф. 499 (Псково-Печерский монастырь). Оп. 1. № 112. Л. 260; № 113. Л. 225.

⁴³ Зуев М. И. О происхождении изящных мастеров: Братья Фофановы // Кирилло-Мефодиевские традиции в Пскове : материалы Третьих чтений... Псков, 2014. С. 37-38.

⁴⁴ Гоголь Н. В. Мёртвые души. Поэма. Гл. 5.

⁴⁵ Он же. Пропавшая грамота.

⁴⁶ Даль В. И. Указ. соч. Т. 2. С. 297.

⁴⁷ Зуев М. И. Лошадиные «фамилии» и клички... С. 75 и др.

⁴⁸ Сб. МАМЮ. Т. 6, 1914. С. 174.

⁴⁹ Добрыня Никитич и Алеша Попович. М., 1974. С. 146 и 29; Зуев М. И. Перо и пушка, пушка и перо. Как псковские пушкари становились подьячими // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. Памяти В. Д. Белецкого. Т. 1. СПб. ; Псков, 1997. С. 247-250.

⁵⁰ Парафраз на тему формулы А. Ф. Лосева: *Миф есть развёрнутое магическое имя.*